

с ситуацией, но и с социальным статусом. Дж. Прайд справедливо обращает внимание на то, что гипотезы Б. Бернстайна не подтверждаются данными социалингвистических исследований (У. Стюарта, Дж. Гамперца и др.). Наиболее решительные возражения вызывает, на наш взгляд, утверждение Б. Бернстайна о том, что речь представителей рабочего класса и представителей среднего класса отличается преимущественным использованием в первом случае ограниченного кода, а во втором — развернутого.

Социалингвистические исследования требуют тщательного и строгого анализа, аргументированности и документированности выводов. В противном случае излишне прямолинейные корреляции лингвистических и социальных фактов могут носить вульгаризаторский характер, как это часто имело место в прошлом. Об этом свидетельствует, в частности, попытка Б. Бернстайна установить прямую связь между использованием указанных кодов и лояльностью по отношению к группе, с одной стороны, и «индивидуальным самовыражением», с другой.

Известные сомнения вызывают некоторые положения рецензируемой книги относительно связи между социалингвистикой и порождающей моделью Н. Хом-

ского. Автор усматривает эту связь в том, что социалингвистике близка «менталистская» антибихевиористская ориентация школы Хомского. Думается, что гораздо ближе к истине известный американский социалингвист Д. Хаймс, который, оценивая порождающую модель с позиций социальной лингвистики, отмечает, что с точки зрения учета социальной природы языка эта модель в формулировке Хомского «ни в чем не отходит от структуралистского прецедента. Скорее это шаг назад, поскольку она полностью исключает из рассмотрения гетерогенность речевой общности, различные роли говорящих, а также стилистические и социальные компоненты значения»⁸.

В настоящей рецензии нет возможности остановиться на всех вопросах, которых касается в своей книге Дж. Прайд. Необходимо лишь отметить, что большинство рассматриваемых им социалингвистических проблем относятся к числу наиболее интересных и наиболее актуальных. Автор далеко не всегда дает ответы на поднимаемые им вопросы, но сама постановка их стимулирует их дальнейшую теоретическую разработку.

А. Д. Шейцер

⁸ D. Hymes, Editorial introduction, «Language in society», I, 1, 1972.

F. Buffa. Vznik a vývin slovenskej botanickej nomenklatúry. K histórii slovenského odborného slovníka. Bratislava, Vyd. Slovenskej akadémie vied, 1972. 427 стр.

Фердинанд Буффа известен русскому читателю как исследователь словацкой ботанической терминологии. Ему принадлежат целый ряд работ, связанных с этой сферой национального словаря как в плане изучения народной номенклатуры растений и ее структурно-семантических свойств (мотивированность номенклатурных названий)¹, так и в плане исследования научной ботанической терминологии и методов ее рационального построения. Серия работ Ф. Буффы связана непосредственно с деятельностью Словацкой АН по нормализации ботанической терминологии в 50-е годы нашего века. Проблемы нормализации и рациональной организации национальной терминологии естественно и закономерно привели исследователя к вопросу об

истории ее формирования, поскольку учет научной традиции при нормализаторской деятельности играет первостепенную роль.

Рецензируемая книга Ф. Буффы представляет собой обобщающий труд по истории формирования научной ботанической номенклатуры в Словакии, построенный на анализе материалов письменных источников, начиная от рукописного лечебника XVII в. и вплоть до номенклатурных списков Словацкой АН (SBN) 50-х годов нашего века.

С точки зрения лингвистического «жанра» книга Ф. Буффы принадлежит к разряду исследований по истории терминологии со специфической для этого жанра методикой включения в план описания историко-культурного и историко-лингвистического фона, постановкой вопроса о развитии знания, состоянии письменности, о языке науки (и шире — литературном языке), вопроса о культурных и языковых взаимодействиях и языковой политике.

Исследование построено как серия очерков о ботанических книгах в Словакии и используемой в них терминологии.

¹ F. Buffa, Z nářečových názvov rastlín v Dlhej Lúke, «Jazykovedné štúdie», II, 1957; ego же, Nazvy rastlín motivované vnútornou vlastnosťou rastliny, «Slovenské odborné názvoslovie», IV, 1956; ego же, Mená zvierat v slovenskom názvosloví rastlín, «Slovenské odborné názvoslovie», V, 1957, и др.

Автор ввел в научный обиход значительное число текстов, доселе не бывших в поле зрения лингвистов-терминологов. Достаточно сказать, что в известной книге чешского исследователя В. Махека «*Ceská a slovenská jména rostlin*» (Praha, 1954) использованы в качестве источника материалы двух словацких авторов XIX в. (Г. Реусса и И. Голубы). В книге Ф. Буффы рассматриваются 15 источников XIX в.; использованы материалы «дословацкой» письменности XVIII в. (латинские, немецкие, венгерские книги по ботанике со словацкими вокабулами в них, написанные и изданные в Словакии), привлечены рукописные книги и словари, в том числе «*Slovenský lékařsky rukopis*» XVII в. Вопрос о письменной традиции получает здесь, таким образом, глубокую историческую перспективу.

Источники сгруппированы относительно нескольких исторических периодов, представляющих известную общность с точки зрения истории культуры и языка. Белго остановился на общеславянских элементах ботанического словаря словаков, восходящих к периоду славянского единства, автор выделяет ранний период фиксации собственно словацкой ботанической номенклатуры в книгах и рукописях XVII — начала XIX в. Это предстория научной номенклатуры, связанная с книгами по прикладной ботанике (лечебниками, травниками) и естественной истории, словарями специальными и общими (гл. II). Второй период — первая половина XIX в. — создание первого систематического описания словацкой флоры — «*Kvetná slovenska*» Г. Реусса (1853 г.) (гл. III). Третий период — национальный подъем второй половины XIX в., формирование словацкого письменного языка и деятельность сторонников Л. Штура, книги Д. Лихарда, А. Кмета, И. Голубы (гл. IV); четвертый период — образование ЧССР, создание учебников по ботанике, начало нормализаторской деятельности переводчиков и исследователей-лингвистов (гл. V); пятый период — создание современной нормализованной научной терминологии: «*Kvetná CSR*» Й. Достала и словацкая номенклатура Й. Новацкого в ней, словацкая ботаническая номенклатура Словацкой АН (гл. VI). Каждому разделу предпослано краткое описание основных культурно-исторических черт периода и значимых факторов языковых течений и языковой политики.

В план собственно языкового описания прежде всего выдвинут вопрос об источниках терминологии: чешские и словацкие названия, общие и локальные; названия, идущие из других славянских языков — прямо или опосредованно через чехов; латинские названия и весь набор вариантов их формы при адаптации в чешском и словацком языках; европеизмы, поступающие прямо в словацкий

язык или проходящие через «чешский фильтр»; кальки с латинских и европейских слов; кальки с чешских наименований и т. п. Языковая ситуация в Словакии весьма сложна и в смысле обилия и разнообразия живых взаимодействий с инославянскими и европейскими языками (немецкий, венгерский, чешский, польский, украинский, русский, сербско-хорватский и т. д.), и в том смысле, что собственный письменно-литературный язык Словакии формировался лишь в половине XIX в., а до тех пор функционировал литературно-письменный язык выполнял чешский язык, который и позднее — после деятельности Л. Штура и его последователей — многими словаками признавался преимущественным «культурным языком».

Автор принадлежит к горячим сторонникам самобытного словацкого литературного языка, построенного на обработке народно-разговорной речи словаков. Поэтому особое внимание он уделяет народным истокам литературного языка в интересующей его сфере и проблемам национализации и демократизации ботанического словаря.

Книги первого периода для автора примечательны тем, что уже в них отражены языковые коллизии, которые определили развитие ботанической терминологии в течение почти двух столетий. Уже для медицинской рукописи XVII в. характерна вариантность форм слов, отличающая чешский и словацкий разговорный язык: ст. чеш. *dětel* — чеш. слов. (диалектн.) *detelina* — слов. *d'atelina*, *d'atel* (клевер); чеш. *pelyněk* — слов. *palinek*, *palina* (полынь). В памятниках половины XVIII в. (ср. рукоп. «*Syllabus dictionarii latino-slavonicus*») местную словацкую форму получают и те слова, которые в более ранних памятниках имели чешскую форму (ср. *ječmeň* вместо *ječmen*; *včoby mléko* вместо *ptačy mléko*; *medvedi noha* вместо *nedvedi noha*). При калькировании иноязычных названий наряду с чешскими кальками уже в книгах XVIII в. встречаются кальки собственно словацкие (ср. *tisovy strom*, *nešpulovy strom* — J. Lyczci, «*Iter oecop.*», 1707). Книжки конца XVIII в. широко вводят собственно словацкую народную номенклатуру растений, иногда в фонетической записи: *čičoritha* «черника», *pólka* «крыжовник», *hloch* «божрыпшик» и т. п.

Одновременно с тенденцией к демократизации и национализации словаря автор прослеживает изменения, вызванные временным фактором (исторические варианты), которые отчетливо проявились уже у Ю. Фандлы (1793) и в Словаре А. Бернолака (1825) (ср. *slnečnik* вместо прежнего *slunečnik*).

Обилие разногенетических источников (разные языки, разные диалекты) и разных приемов передачи иноязычных слов уже в этом, первом периоде привели к появлению значительного числа фор-

малых вариантов и лексических дублетов в ботанической номенклатуре. В связи с этим уже в Словаре Бернолака делается попытка противопоставить названия узуальные и народные. Систематически проследживает автор традиционную преемственность терминологии от книги к книге и то новое, что вносит каждый автор в формирующийся словарь.

Третий постоянный план наблюдений — словообразовательная и семантическая структура терминов (удельный вес непроизводных имен, продуктивные суффиксальные модели, двусловные наименования, мотивированные и немотивированные номенклатурные знаки). Последние данные были бы особенно интересны, если бы автор обобщил их хотя бы для выделяемых периодов, отграничив таким образом типовое, узуальное от индивидуального и окказионального.

Выявленные уже на первом этапе языковые особенности (вариантность, дублетность, удельный вес народно-разговорных элементов словаря, тенденция к словакизации чешских названий и т. п.) прослеживаются автором на всех последующих этапах. Так, рассматривая деятельность Г. Реусса, автор, высоко оценивая общекультурное значение этой работы, с точки зрения языковой считает ее чрезмерно зависимой от чешских образцов (первой чешской систематики — книги И. Пресла «*Flora česká*», 1819) в той ее части, которая является «официальной» (научная номенклатура в чехизированной форме). Очень ценными считает автор народные словацкие (часто диалектные) параллели к официальным названиям, приводимые Реуссом и ставшие источником дальнейших национальных преобразований ботанической номенклатуры.

Следующий период (вторая половина XIX в.), ознаменовавшийся деятельностью Л. Штура, его соратников и продолжателей, в области лингво-ботанических штудий означал усиление интереса к народным названиям словацкой флоры, сборанию их и систематической публикации списков ботанических названий в периодической печати того времени. Разыскания в области народной словацкой номенклатуры растений и широкое привлечение народных названий для нужд научного описания остро поставили вопрос о нормализации номенклатуры, обремененной дублетами и отличающейся необычайно высокой вариативностью (фонетической, орфографической, словообразовательной).

В двух последних главах описана нормализаторская работа в области ботанической номенклатуры в Словакии. Исторически это этап, связанный с образованием Чехословацкой республики, в которой словацкий язык получил статус государственного языка (хотя положение

о едином «культурном» языке имеет и в это время много сторонников). Первый этап нормализации связан с созданием учебной ботанической литературы на словацком языке (перевод чешских учебников, медицинских книг); второй — с деятельностью профессора И. Новацкого и Словацкой Академии наук. С точки зрения нормализаторских положений следует отметить следующие: 1) выбор диалектной базы при использовании народных названий (среднесловацкий диалект); 2) согласование фонетической и словообразовательной формы названий с современным этапом развития языка; 3) решение вопроса о введении в нормализованный словарь традиционных для Словакии латинских и чешских наименований; 4) тенденция к уштрелению имен с «прозрачностью значения», внутренней мотивировкой.

Исследование завершается словарем ботанических названий, составленным на основании 20 000 выборок из словацких ботанических книг XVII—XX вв. и представляющим, несомненно, большую лингвистическую ценность для славистов-лексикологов. Словарь построен по принципу алфавитного расположения лексем. Варианты слова (фонетические и орфографические) собраны под одну репрезентативную форму, нормативную в современной ботанической номенклатуре или наиболее употребительную. Все варианты документированы и опосредованно (через датировку источника) датированы. Ср.: *kákol'* (*Agrostemma*), вар. *konkol'*, *kaukol'*, *kankol'*; *raprad'* (*Dryopteris*), вар. *raproc*, *raprud'*, *parrut'*; *agát* (*Robinia*), вар. *agač*, *agac*, *akač*, *akac*.

«Несистематические» фонетические варианты и словообразовательные модификации даются как отдельные слова. Например: *Jeřba* (*Alnus*), вар. *jašš*, *jašša*, *jeřše*, *jeřcha*, *olša*, *olše*, *olcha*; *Olša* (*Alnus*), вар. *volše*, *olcha*, *ol'cha*. Значения слов указаны с помощью введения латинских ботанических термин-идентификаторов. При соотносительности названия с несколькими идентификаторами они обозначаются в пределах одной статьи.

Если говорить о структуре данного словаря, то понятие отдельного «слова» в нем достаточно условно: в вариантный ряд включены как исторические варианты (результаты временных изменений), так и синхронные, как пространственные (локальные модификации), так и локально не дифференцируемые, как индивидуально-авторские, так и общенародные. Обилие идентификаторов, особенно синхронно не соположенных, также с достаточной условностью может восприниматься как показатель многозначности слова. Однако подобный способ подачи материала оказался чрезвычайно выразительным для демонстрации центральной идеи книги — для представления о ходе

нормализации, об отборе, осуществленном из многочисленных серий орфографических, фонетических и словообразовательных вариантов. Однако, имея в виду эту же центральную идею, кажется малооправданным то, что представление о лексическом варьировании, столь характерном для каждой «становящейся» терминологии, тем более такой, как ботаническая, хотя имплицитно и содержится в словаре, совершенно скрыто для читателя (исключение, естественно, составляет словообразовательный ряд — в алфавитном словаре суффиксальные производные оказываются в непосредственной близости от слов производящих).

В словаре никак не соотнесены равнозначные разнокоренные образования. Русский читатель, встречая, например, в словаре наименования *belena*, *beladola*, *banan*, *anasas*, при которых нет ситуации, фиксирующей их принадлежность к научной терминологии, может узнать нормативное обозначение этих растений, лишь прочтя весь словарь. Увидев в словаре, что в состав научной терминологии вошло слово *valeriana* и что в словацком языке это новация (с 40-х гг. XIX в.), читатель не может установить историческую перспективу, так как не найдет при этом слове указаний на то, что растение *Valeriana* давно и широко известно в Словакии под названием *baldrian* и *odolen* и что нормализаторы предпочли международное название. Тем более не «выидет» читатель на такие интересные ряды, как *klinček* — *klinec* — *hrebček* — *hvozdik* (*Dianthus cariofillum*, гвоздика) или *egreš*, *angreš* — *chlupáčky* — *tochnanka* — *šminky* — *gygadzé* (крыжовник), обильный диалектными словами. Ведь словарь не соотнесен с текстом самой книги и не служит указателем к нему, это словарь к источникам.

Было бы очень желательно дать читателю «инструмент» для восстановления синонимических рядов: отбор из ряда — важный момент нормализации, базирующийся на ориентации нормализаторов. Это можно было бы сделать путем соотносительных указаний (как при «несистематических» фонетических вариантах) или включением словарика латинских терминов — идентификаторов, с указанием при них тех страниц словаря, на которых они встречаются.

С точки зрения демонстрации хода и этапов нормализации, проводимой на широком материале словаря, было бы очень желательно видеть указания на официальную терминологию первого систематизатора Реусса, а, может быть, и

узуальные термины Бернолака. В словаре указания на Реусса не дифференцированы, а среди них есть и названия неофициальные. Что было официальным у Реусса: *baldryan* или *odolen*, *borievča*, *borovec* или современное нормативное *borievka*? Этапы нормализации выступили бы отчетливее, если бы официальные термины Реусса снабжались хотя бы астериском.

Словацкие книги зафиксировали очень много народных (в том числе диалектных) названий. В богатейшей по материалу книге В. Махека мы не найдем целого ряда имеющих там обозначений (ср. словообразовательный ряд *rovaj*, *rovaja*, *rovajnik*, *rovajka*, корреспондирующий с названиями *sviak*, *svlačec*, *svlaček*; оба ряда известны и в русской народной номенклатуре; или *ovsiak*, *ovsiar*, *ovsienka*). Это лишний раз свидетельствует о ценности письменных источников для изучения исторической диалектологии. Указание на локализмы представляло бы (в той мере, в какой это сейчас возможно) очень большой интерес и с точки зрения втягивания их в сферу общепародных (и даже научных) обозначений, и с точки зрения отказа от них.

Вводя в круг исследования книги (в основном ипоязычные) XVII—XVIII вв., автор сознает трудность установления значений упоминаемых там терминов. Даже наличие латинских параллелей (в словарях) не облегчает дела. В свое время В. Махек замечал: «Имея в виду, что средневековые знания по ботанике были невелики, а также то, что латинский язык не был родным для славянских авторов, не следует слишком полагаться на средневековые латинские термины» («Ceská a slovenská jména rostlin», стр. 6). Имея это в виду, автор оговаривает, что его латинские термины при словах из старых книг — не научные идентификаторы в подлинном смысле слова. Но в словаре различное качество латинских соответствий никак не обозначено, что вносит известную дезориентацию. Думается, что богатый и очень интересный словарь к исследованию Ф. Буффы мог бы быть значительно более информативным.

Материалы этого словаря, равно как и само исследование, несомненно будут использованы многими славистами: терминологами, изучающими научные и народные номенклатуры растений, историками языка, диалектологами, специалистами по сравнительному славяноведению.

Л. Л. Куткина